

полагающая определенный эффект эмоционального воздействия» [4, с. 3].

Весной 1927 г. по решению Совета народных комиссаров начинается ликвидация Музея мебели, окончившаяся летом, что подтверждается Постановлением Совнаркома от 02 июля 1927 года [7, л. 5]. В означенный период его фонды распределяются в соответствии с представленными запросами: в Исторический музей, в Оружейную палату, в Музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина, в Музей архитектуры. Порядка 300 предметов было передано в Общество старых большевиков, в Малый театр, некоторая часть продана или выдана сотрудникам музеев и Главнауки во временное пользование.

Подводя итог, необходимо отметить, что коллекция Музея мебели была сформирована по историко-хронологическому принципу. Она демонстрировала типологию стиливого русского мебельного искусства и избранные европейские образцы XV—XX веков. Здесь были представлены предметы, поступившие из московских и подмосковных дворцов, усадеб и квартир, где кроме изделий столичных мебельных мастерских в большом количестве были представлены работы усадебных мастеров.

Кроме того, необходимо отметить значение изданного в 1925 г. А.И. Батениным иллюстрированного каталога Музея [1]. Он явился своеобразным итогом проделанной

работы по созданию Музея мебели. Это касалось как экспозиционной, так и научной практики. Являясь, по сути, путеводителем, он содержит значительное количество информации, касающейся структуры экспозиции, атрибуции памятников и истории развития мебельного искусства в целом.

Созданный Музей мебели являлся уникальным, так как являлся первым в стране специальным монособранием, в котором мебель была представлена как объект искусства.

Список источников

1. Батенин А. Государственный музей мебели. Иллюстрированный каталог / сост. А. Батенин. — М., 1925. — 112 с.
2. Зенц Е.М. История одной коллекции // Вопросы истории. — 1968. — № 7. — С. 205—206.
3. Ленинградский государственный архив литературы и искусства (ЛГАЛИ). Ф. 36. Оп. 2. Д. 3. Л. 61—85.
4. Новикова Е.Б. Интерьер общественных зданий : художественные проблемы / Е.Б. Новикова. — М., 1984. — 272 с.
5. Отдел письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ). Ф. 54. Д. 23. Л. 290.
6. ОПИ ГИМ. Ф. 54. Д. 236.
7. ОПИ ГИМ. Ф. 54. Д. 519.
8. ОПИ ГИМ. Ф. 54. Д. 804.

УДК 271.22(47-25)-523.4
ББК 86.372.24-647л611

ГАГАНОВА М.А.

ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВА ЛАВРА В КОНТЕКСТЕ «МУЗЕЙНОГО» ВОСПРИЯТИЯ ДЕРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

Статья посвящена малоизученной теме — Троице-Сергиевой лавре как объекту культуры в дореволюционный период в контексте проблемы взаимоотношений церкви и общества. Обобщены и проанализированы примеры музейных подходов к интерпретации и использованию историко-художественного наследия Троице-Сергиевой лавры, формирующих образ национального музея.

Ключевые слова: Троице-Сергиева лавра, церковь и общество, национальный музей, культурное наследие.

Для отечественной музейной мысли, как и для российского общества в целом, исторически является традиционным обращением к идее создания национального музея, демонстрирующего в развитии и многообразии форм весь спектр особенностей государственной, духовной, военной, художественной, бытовой культуры народа. В XIX—XX вв. подобные надежды, проекты и практические усилия научной и музейной общественности связывались с тем или иным значительным историко-культурным объектом, воплощающим в общественном

сознании наиболее выразительные черты национальной традиции. Необходимым условием для создания столь масштабного музея было наличие коллекций, соответствующих своей репрезентативностью его назначению. В разное время в качестве основы построения национального музея видели собрания Оружейной палаты Московского Кремля и Российского исторического музея.

По составу веками собиравшихся коллекций к подобным хранилищам национальной памяти были близки церковные сокровищницы, в первую очередь — ризницы

особенно чтимых храмов и крупнейших монастырей. Хранимые ими произведения искусства, древности и реликвии могли не только проиллюстрировать этапы развития отечественной культуры, но и рассказать о многих фактах гражданской истории. Граф А.С. Уваров по этому поводу замечал: «...к важнейшим отечественным древлехранилищам принадлежат у нас церкви и монастыри с их ризницами и библиотеками... Известно, что древняя Россия с особенным уважением относилась к своим церквам и монастырям... Благодаря этой ревности, мы и теперь встречаем в церквях и монастырях богатейшие и любопытнейшие образцы древнего искусства и художества во всех родах. В них же были найдены и лучшие памятники древней нашей письменности» [12].

В приведенном высказывании читается мысль о главной общественной функции церковных древлехранилищ как кладовых, столетиями собиравших предметные свидетельства национальной культуры. Соответственно, их роль века укладывалась в рамки накопления и хранения, демонстрационные функции при этом оставались второстепенными. Музей как таковой в парадигме мышления нового времени связывался, прежде всего, с принципами публичности и доступности, обеспечиваемыми и в юридической, и в музейно-практической плоскости. Подобное светское осмысление церковных собраний в условиях дореволюционной России было затруднено в силу преобладавшего конфессионального отношения к церковному наследию как объектам и предметам в основном богослужебного назначения, что существенно ограничивало какое-либо иное их бытование и интерпретацию.

Потребности науки, нарастающая общественная заинтересованность в охране памятников стимулировали интерес к церковным древностям, способствовали введению многих из них в научный оборот. Во второй половине XIX — начале XX в. появляются обстоятельные публикации, посвященные в том числе и составу известных монастырских ризниц. Некоторые из них начинают осуществлять определенные музейные функции в отношении знакомства посетителей с хранимыми ценностями. Вместе с тем проблема ознакомительного и научного доступа церковных и монастырских хранилищ продолжала существовать, и проводить параллели с выработанной практикой музеев в данном случае следует очень осторожно. Однако это имеет смысл в контексте исследования имеющегося «музейного» опыта отечественных церковных сокровищниц, анализа их деятельности с точки зрения осуществления определенных светских научно-познавательных и образовательно-воспитательных функций.

За пределами отдельных древлехранилищ не менее любопытным в данном отношении представляется рассмотрение формирующегося «музейного» облика комплексных объектов церковного наследия — монастырей, в которых ризницы являлись если не главнейшей, то далеко не единственной составляющей общего историко-культурного целого.

Богатый материал для подобного осмысления дает дореволюционное прошлое Троице-Сергиевой лавры, само общеисторическое значение которой предопреде-

лило постепенное формирование отношения к ней как к памятнику «живой» истории, где «минувшее казалось... настоящим», что не могло не закрепиться в зримых (в современной терминологии — протомузейных) чертах ее исторического облика. И если для дореволюционного периода говорить о Лавре напрямую с точки зрения музейной проблематики можно лишь с известной долей условности, то памятниковедческие аспекты темы на данном историческом этапе выражены вполне отчетливо. Этим определяется необходимость комплексного подхода к ее освещению.

Возвращаясь к протомузейной природе церковных сокровищниц, отметим, что как в прошлом, так и в наши дни сохраняется представление о монастырской ризнице как одной из наиболее ранних форм сохранения культурного наследия, предшествовавшей появлению музея. Исследователи связывают с этим и введение особых принципов учета и описания, регламентирующих порядок хранения и расположения предметов в хранилищах [13, с. 117]. Отмечается, что считать ризницы (понимаемые в совокупности зданий с размещенными в них собраниями) зачатками музеефикации преждевременно, так как на ранних этапах отсутствовало осознание историко-культурной ценности самих памятников, побуждающее к их сохранению и музеефицированию [15, с. 369—370].

По отношению к ризничному собранию Троице-Сергиевой лавры утверждение подобного осознания происходило в общих рамках обозначенного выше признания в качестве главенствующей культовой природы церковных древностей, с вытекающими отсюда строго определенными правилами их использования и толкования. Однако и здесь развивающийся историзм мышления с его вниманием к отечественным памятникам в XVIII—XIX вв. сказался в тенденции к реформированию принципов организации и интерпретации древнего хранилища Лавры.

Как показывают исследования последних лет, эти изменения затронули в большей степени учетно-описательную документацию ризничного собрания, чем его предметную организацию. С совершенствованием уровня исторических исследований о Лавре, построенных на широком архивном материале, все более научное наполнение приобретали и периодически обновлявшиеся ризничные описи: с первой половины XIX в. они начинают чаще сопровождаться историческими сведениями о происхождении предметов. Подобная информация использовалась и при маркировке конкретных памятников. Составленная в 1859 г. опись ризницы испытала на себе влияние «Записки для обозрения русских древностей» И.П. Сахарова 1851 г. [10, с. 456—459], а последняя опись монастыря 1908 г., отражая веяния эпохи памятникоохранительных инициатив в русском обществе, построена в соответствии с характерным для своего времени системным подходом к описанию церковных памятников [19, с. 29].

Система же внутренней организации ризничной «коллекции» как предметного комплекса отличалась устойчивостью на протяжении полутора столетий. Она сложилась в связи с постройкой нового здания ризницы

в 1782 г. и введением в связи с этим настоятелем Лавры московским митрополитом Платоном (Левшиным) нового порядка размещения хранимых ценностей. Нововведения основывались не на хронологической последовательности, а на материальной оценке вещей, что повлияло на систему расположения предметов в палатах (залах) сообразно степени роскоши «экспонатов». Поскольку наиболее дорогими и роскошными являлись, как правило, вклады царствующих особ, представителей наиболее известных и состоятельных фамилий, они и определяли «экспозиционное лицо» ризничного собрания.

Подобное размещение преследовало и задачу обеспечения лучшей охраны монастырского хранилища, по своему богатству не уступавшего царской казне и Патриаршей ризнице. Таким образом, начало «музейной» интерпретации лаврской сокровищницы с уверенностью можно искать во второй половине XVIII в., связав это с деятельностью митрополита Платона. Претворенная в новой системе организационного оформления определенная «методика» отражала взгляды просвещенного церковного иерарха на то, каким образом должно быть представлено ризничное собрание древней обители. Созданный на основе избранного им метода «экспозиционный комплекс» лаврской ризницы основывался на принципе сокровищницы, демонстрирующей все богатство первого по значению монастыря России и внимание к нему правящей династии [10, с. 454].

Исключение в подобном подходе делалось только для реликвий (мемориальных предметов), связанных с преп. Сергием и Никоном Радонежскими. Они первенствовали в описаниях монастырской ризницы [4, с. 251—256; 5, с. 35—49] и в «объяснениях», даваемых для ее посетителей. Характерно, что эта традиция соблюдалась не только в отношении соотечественников, знакомых с православными святынями, но и иностранцев [29, р. 33]. Т. Готье вспоминал, что первым представленным ему в лаврской ризнице (которую потрясенный автор сравнил с «христианизированными сокровищами Гаруна Аль-Рашида») «как самое драгоценное» достояние, были скромные облачения и утварь св. Сергия [6, с. 277].

О том, сколь значителен был внешний эффект выстроенного подобным образом презентационного облика ризницы, свидетельствуют воспоминания посетивших ее современников. Большинству их свойственен пафос слов И.М. Долгорукова (1791): «Какое богатство! Какие утвари и вещи бесподобные! Лавра есть единственное место в России, как в этом отношении, так и во многих других» [14, с. 246—247]. XIX век привнес новое ценностное наполнение интерпретации монастырской сокровищницы:

«...многие дни может провести испытующий археолог посреди сих сокровищ, и не выходя из ризницы, написать целую летопись» [16, с. 56—59].

Но есть и высказывания, передающие более конкретное «музейное» восприятие собрания, проникнутые идеей создания «святоотечественного Пантеона», отвечающего мечтам «антиквария-патриота». В данном случае увиденное побуждало к мысленному образно-художественному и пространственно-архитектурному осмыслению (в современном понимании — музейному проектированию) ризницы: «Обнимая взором строения Лавры, я искал места для нового здания, мечтал о полуротонде, в которой до-

Крепостные стены и башни Троице-Сергиевой лавры (фото начала XX в.)

стойно расположилась бы ризница Лавры. Первое место посреди заняла бы выставленная как щит святосмиренная риза Сергия... подле нее деревянные сосуды, посох и прочие предметы, ему принадлежавшие, — все под великолепным балдахином. Вправо и влево обстало бы в полукружии все блистающее богатство: ризы и пелены в шкафах прозрачных несколько вогнутой формы, чтобы они образовали обстание; сосуды, Евангелия, митры на полуколоннах... под стеклянными куполами; кресты и пангии в лежащих киотах; около этой полуротонды в углах залы великолепные напрестолы под стеклянными чехлами. Но чтобы крашенинная риза Святого не казалась при первом взгляде большим темным пятном среди этого блистательного обнесения, то можно было бы вознести крест париарха Филофея так, чтобы он, окруженный бриллиантовым сиянием для сего устроенным, сверкал наподобие звезды перед серединою ризы. Все бы это учредить в большом зале; в прочих же комнатах с одинаковым приличием расположить пелены, напрестолы и другие утвари, менее богатые, но важные по времени и именам державных приносителей» [11, с. 36—37]. Остается добавить, что мысль автора этих строк шла дальше: к выбору места на территории Лавры для нового, уже музейного, здания и подходов к его архитектурному решению, отвечающих задачам лучшего экспонирования «коллекции».

В первой половине XIX в. предпринимались дальнейшие шаги к организационному оформлению ризницы как предметному комплексу, начинающему выполнять музейные функции. Согласно записке 1840 г. настоятеля Лавры московского митрополита Филарета (Дроздова) регламентировался порядок охраны и посещения хранилища, для осмотра которого допускались, кроме членов царской фамилии, только «самые достойные» люди, известные лаврскому священноначалию [19, с. 26]. В более поздней литературе для паломников можно встретить информацию о режиме посещения ризницы: в перерывах между богослужениями в храмах общее время, в течение которого она была доступна для осмотра, составляло около шести часов [22, с. 7].

Однако, говоря о проблеме доступности «коллекций» ризницы, нельзя пройти мимо слов известного исследователя отечественных древностей В.Т. Георгиевского, подразумевавшего, прежде всего, научный интерес к ее памятникам: «Эта сокровищница русского искусства до сих пор малоизвестна, большинство ее предметов не издано, а теперь, с закрытием ризницы для богомольцев и прекращением обозрений хранящихся здесь утварей, становится вовсе недоступной» [2, с. 10].

В контексте музейно-археологического осмысления лаврских памятников обращает на себя внимание и характерное для середины XIX в. расширение категории древностей ризницы, заслуживающих внимания и включенных в известные публикации и многочисленные описания и путеводители по Лавре XIX — начала XX века. Помимо святынь, реликвий веры, имеющих прямое богослужбное назначение, к числу достопамятностей, хранившихся в ризнице, были отнесены и вклады «нецерковных вещей» не материальной, а, скорее, исторической ценности: кафтан Ивана Грозного, а также мемории военного времени — уздечка коня и пороховница кн. Дм. Пожарского, «налуч, колчан, чушка, чесноковина и пуля 1612 г.» [8, с. 132], «несколько чугунных ядер, бомб, картеч, трубки гранатные, также железные пометные каракули... встарь назывались они Троицким чесноком» [18, с. 76—77].

Выходя за пределы собственно лаврской сокровищницы в поисках элементов «музейного включения», необходимо указать на храмы монастыря, где проявил себя традиционный для практики православной России обычай помещать для обозрения мемориальные реликвии, связанные с почитанием святых и подвижников церкви. В Троицком соборе хранились «за стеклом у раки» с мощами Сергия Радонежского принадлежавшие Преподобному келейные иконы, фелонь, епитрахиль и поручи, аналав от схимы, посох, деревянные ложка и ножик в футляре [7, с. 151—154; 24, с. 10—11]. В Филаретовском приделе Духовской церкви Лавры рядом с погребением митрополита Филарета (Дроздова) находились два шкафа с одеждами, в которых настоятель служил в последние дни жизни [4, с. 204]. В Трапезной церкви лаврского Гефсиманского скита можно было увидеть схимы Сергия Радонежского, Митрофана Воронежского и патриарха Никона [3, с. 54],

а в Преображенской церкви Спасо-Вифанского монастыря — облачения митрополита Платона (Левшина) [22, с. 22—24].

Напрямую с явлением музеефикации в современном понимании в жизни дореволюционной Лавры связаны, прежде всего, события светского характера — эпизоды военной истории монастыря, его участия в общегосударственной жизни, в первую очередь — осада Троицы 1608—1610 годов. О трагедиях и победах тех лет свидетельствовали сохранявшиеся в неизменном виде в Троицком соборе «памятные знаки»: пробитые польскими ядрами икона «Святитель Николай» и южная дверь храма [20, с. 88—89]. Как о военной святыне многочисленные описания говорят об иконе «Явление Богоматери преп. Сергию» XVI в., находившейся над южной алтарной дверью Троицкого собора [24, с. 9—10].

Основной акцент на мемориализации исторических событий государственной жизни, в которых роль монастыря являлась особенно весомой, был сделан в связи с установкой в 1792 г. в центре соборной площади Лавры памятного обелиска «в прославление сея обители и в вечную память великих мужей». Тем самым увековечивалась память о Куликовской победе 1380 г., героической осаде монастыря 1608—1610 гг. и последовавшем избавлении России от «мятежей» Смуты, о двукратном пребывании в стенах обители Петра I во времена стрелецких бунтов. В 1823 г. обелиск получил ограждение из соединенных цепями вкопанных в землю «казенными частями вверх» 17 пушек — хранившихся в Лавре свидетельств ее военного прошлого. Дополнительно еще три пушки были установлены в Святых воротах Лавры [4, с. 171].

Продолжавшийся на протяжении нескольких десятилетий процесс закрепления памяти о важнейших исторических датах, воплотившийся в комплексе памятных знаков, включая и элемент осуществленной в несколько своеобразной форме музеефикации подлинных исторических раритетов (пушек), завершился установкой в июле 1910 г. мемориальных чугунных досок на внешней стороне Святых ворот Лавры [26]. Тексты досок напоминали о событиях «осадного сидения» и одном из его наиболее известных эпизодов — взрыве польского подкопа под монастырские стены. Доски были изготовлены на общественные средства по инициативе Московского отделения Российского военно-исторического общества в ознаменование 300-летнего юбилея снятия польско-литовской осады в январе 1610 года.

С юбилейными торжествами 1910 г. связана и общественная инициатива по устройству в Лавре музея, посвященного военной истории обители, вынесенная на страницы печати. Согласно предложенному замыслу он должен был демонстрировать памятники и материалы, связанные с Куликовской битвой и осадой монастыря в эпоху Смуты: образцы вооружения, модели осадной техники, планы Лавры, рельефную модель осады. Предлагалось включить в собрание и копии живописных полотен русских художников, тематически связанных с этими событиями. Примечательно и предложение о необходимости фактической музеефикации фрагмента

крепостной стены в историческом месте подкопа («восстановить небольшой участок стены на месте подкопа»). По сути, весь монастырский кремль в целом предполагалось преобразовать в мемориальный объект путем установки памятных досок на участках крепостных сооружений (стены, башни, ворота), связанных с определенными, известными по историческим источникам, эпизодами осады [26, с. 158—159].

Любопытно, как подобные планы 1900-х гг. перекликались с высказанными в первой половине XIX в. мыслями по поводу меморирования судьбоносных для России троицких событий путем установки памятников на окружающих монастырь холмах — местах исторических свершений времен Смуты, с предложением и проектов подобных памятников: «Крест и кропило, положенные на меч и знамя... барельеф с изображением действия и надпись: *1612 год* сказали бы довольно, знаменуя благодарность потомства» [11, с. 50—51]. Здесь явно дает себя почувствовать стремление включить в культурно-исторический контекст образа Троицы и окружающее ее природное пространство как часть духовно значимой среды памятного места. Не случайны в данном случае и смысловые акценты в упоминаниях о том, что с крепостных стен монастыря просматривается с. Деулино, столь важное в русской истории, а «с верхнего яруса колокольни стоит полюбоваться прекрасною и величественною панорамой, которая простирается до самой Москвы» [17, с. 29]. Открывающиеся виды воспринимались не в малой степени и как исторический ландшафт, наполненный воспоминаниями и ассоциациями.

Остается заключить, что и в XIX, и в начале XX в. эти инициативы остались нереализованными. В 1910 г. проекты военного музея не были поддержаны самой Лаврой, посчитавшей, что данное учреждение, для которого она не располагает необходимыми помещениями, не соответствует задачам монастыря.

Тем не менее, в этот период Троице-Сергиева лавра все ярче играет свою роль важного историко-культурного объекта, сохранившего зримые свидетельства памятных исторических событий, знакомство с которыми было необходимо в воспитательных целях формирования национального самосознания. В канун готовящихся юбилейных торжеств 1911—1913 гг. Лавра была избрана одним из центральных объектов экскурсионного маршрута для учащихся средних учебных заведений, связанного с основным планом праздничных мероприятий государственного уровня. Во время посещения, наряду с поклонением святыням, предусматривался общий обзор монастыря, «осмотр ризницы, содержащей много предметов из эпохи Смутного времени», Троицкого собора «со следами бомбардировки» и крепостной стены [25, с. 31—32].

О программе и характере детского восприятия подобных экскурсий позволяют судить сохранившиеся опубликованными непосредственные впечатления их участников. Как показал опыт, среди осмотренных памятных мест, «тесно связанных с Домом Романовых», наибольшее впечатление на детскую аудиторию произвели Коломенское и Троице-Сергиева лавра. Путешествие в прошлое,

завершаемое на неприступных крепостных стенах Троицы, оставляло в детском воображении воспоминания, принимавшие форму и поэтических строк:

И теперь возвышаются стены,
Так же гордо все башни глядят.
И счастлив тот, кто их понимает,
Чьему сердцу оне говорят! [28, с. 38]

В начале XX в. в качестве объекта историко-культурного интереса полноправно стала рассматриваться и такая часть наследия Лавры, как монастырский некрополь. Эпоха романтизма уже заложила основы для восприятия древних лаврских надгробий как источников «высоких дум, великих воспоминаний» [16, с. 59]. Посетителям Лавры рекомендовалось обратить внимание на могилы одного из руководителей первого ополчения эпохи Смуты П. Ляпунова, защитника Смоленска в 1609—1611 гг. боярина М.Б. Шеина и его правнука, сподвижника Петра I, А.С. Шеина, писателя И.С. Аксакова [23, с. 86].

Но вопрос о предпосылках к «музейному» восприятию Троице-Сергиевой лавры будет не раскрыт, если не остановиться на теме сохранения архитектурных памятников монастырского ансамбля, представляющего собой «подлинный исторический Музей русской архитектуры» (П.А. Флоренский), и вовлеченности общества в эту проблему.

На рубеже XIX—XX вв. внимание общественности, научных обществ России в значительной мере концентрировалось на состоянии архитектурных памятников Лавры, происходящих внутри и около ее стен перестройках и новом строительстве, реставрации и ремонте храмов. Появившиеся в печати отклики, вызванные общественной озабоченностью состоянием дел, позволяют судить о характере восприятия монастырских архитектурных сооружений как памятников старины, а Лавры в целом, в совокупности ее зданий, как объекта историко-археологического интереса и одновременно художественно-эстетического феномена.

В лице Московского археологического общества (МАО) общественность пыталась оказывать влияние на текущее состояние архитектурного наследия Лавры. Как показывают материалы работ Комиссии по сохранению древних памятников МАО, в ведении которой находилось наблюдение за всеми архитектурными работами в Лавре, нередко сообщения газет служили непосредственным поводом для обращения Комиссии к духовным властям за разъяснениями. Предпринятые усилия оказались более результативны в области сохранения зданий в прежнем виде, без существенных переделок, искажающих их облик и потенциально опасных для технического состояния сооружений. Сложнее обстояло дело с научными археологическими изысканиями, примером чему может служить свернутая в 1904 г., в обход рекомендаций МАО, работа по расчистке фресковой росписи Троицкого собора. Вместе с тем представляют интерес попытки музеефикации фрагментов памятников, предпринятые МАО в ходе реставрационных работ. Обществу принадлежала

идея передачи на хранение в ризницу снятых фрагментов штукатурки Успенского собора с поврежденной росписью XVII века. Немногочисленные подлинные изразцы, сохранившиеся элементы декора шатра церкви св. Зосимы и Савватия XVII в., послужившие образцами для новых, Комиссия по сохранению древних памятников ходатайствовала по окончании ремонта вставить «в стену на паперти с соответствующей надписью и закрыть стеклом» [9, с. 104—105].

Необходимо отметить, что формирующийся в конце XIX — начале XX в. комплексный художественно-археологический метод оценки и познания памятников старины явственно заявил о себе эмоционально-образным и эстетическим восприятием древней обители с позиции национального самоощущения.

Современники высказывали сожаление по поводу изменения архитектурного ландшафта монастыря из-за появления около его стен новых внушительных построек. С одной стороны, новостройки закрывали исторический вид с запада на Лавру как крепость, именно в этой части испытавшую наиболее ожесточенные нападения противника во времена «славной осады Лавры, спасшей Россию». Нарушая «целость древней обители... изменяя вид ее, столь дорогой и знакомый Русскому сердцу», они тем самым вторгались и в историческую память. С другой стороны, эти новшества нарушили эстетику архитектурно-природного пейзажа, внедрившись в исторически сложившийся живописный вид монастыря, заслоняя его стены с юга. «Скажут, стоит ли говорить о таких пустяках, о каком-то виде на монастырь? Нет, это далеко не пустяки, когда столько веков Русские люди с умилением взирали на этот вид, привыкли им любоваться. Вид этот знаком по фотографиям и литографиям многим и не бывавшим в Лавре, а ныне он уже не тот... Кто может поручиться, что подобным же образом Лавру не застроят и с других сторон?» Резюме высказываний было следующим: «с историческими воспоминаниями нельзя не считаться», а имея дело с таким исключительным памятником, как Троица, необходимо соотноситься «и с требованиями художественного вкуса, и с уважением к старине» [1, с. 610—614].

Говоря о закладывающихся в начале XX в. подходах к музейному использованию лаврского наследия, следует упомянуть о примере фактической музеефикации, осуществленной за пределами стен монастыря. Речь идет о Вифанских покоях митрополита Платона (Левшина) в основанном им в 1780-х гг. Спасо-Вифанском монастыре — одном из отделений Лавры. По сути, они представляли собой мемориальный комплекс, сохраняя обстановку личных комнат митрополита. Эти покои были рассчитаны на осмотр, для облегчения которого в соответствующих руководствах предлагался и каталог «экспозиции» [23, с. 97—104].

Подобный же подход был осуществлен в другом отделении Лавры — в Гефсиманском скиту, где было «сохранено нетронутым» внутреннее убранство покоев митрополита Филарета (Дроздова) [23, с. 92]. Само основание в 1840-е гг. этой уединенной обители связано изначально с явлением музеефикации. Речь идет о переносе на новое место и восстановлении с использованием в современ-

ной постройке древнего материала деревянной Успенской церкви XVII в. из с. Подсосенья. Решение о ее сохранении было принято митрополитом Филаретом, основателем Гефсиманского скита Лавры, на основании исторического происхождения церкви, связанного с героическими страницами лаврского прошлого эпохи Смутного времени. О связи времен и преемственности традиций свидетельствовали выставленные в застекленных рамах в церковном алтаре древние холщовые антиминсы 1616 и 1619 гг., связанные с именами известных деятелей Смутного времени архимандрита Троицкого монастыря Дионисия (Зобниновского) и келаря Авраамия Палицына [21, с. 188].

Однако перенос означал не только увековечение памяти о былом через физическое сохранение храма, но и наполнение новым содержанием его обновленное существование. Используемая по прямому назначению как главный храм скита Успенская церковь всем своим обликом, представляющим «древнюю русскую церковь», характером внутреннего убранства, обстановкой богослужения призвана была духовно-символически связать монастырскую жизнь XIX в. с суровой простотой времен Сергия Радонежского, возрождая тем самым традиции средневековья в повседневной жизни обители [3, с. 16—18]. Здесь мы имеем пример сложного явления ревалоризации наследия, что дает основания говорить о прообразе музеефикации памятника, осуществленной в рамках конфессионального подхода к достоянию церкви, но в духе идей историзма нового времени.

В географическом и историческом единстве с упомянутыми лаврскими монастырями находилась местность Корбуха (на части территории которой позднее и был основан упомянутый Гефсиманский скит), где в XVIII в. располагалась знаменитая загородная усадьба Лавры, памятная неоднократными, торжественно отмечаемыми царскими посещениями. Это был почти исчезнувший уникальный уголок усадебной культуры в историческом пространстве Лавры. Не сохранившая практически никаких построек того времени и представляющая из себя, по сути, природный объект (остатки парка), к началу XX в. Корбуха воспринималась уже как «историческая местность», органически связанная с Лаврой часть ее историко-культурного наследия [4, с. 336].

Приведенные примеры предметно-комплексного меморирования исторических лиц и событий, как присутствовавшие в пространстве дореволюционной Лавры, так и заявленные тогда же в качестве возможных, свидетельствуют о постепенном формировании ее «музейного» облика, свойственного в человеческом восприятии любому памятнику культуры как носителю исторической памяти. Большинство перечисленных свидетельств «музейного присутствия» появились в результате действий духовных властей Лавры, идущих в этом навстречу требованиям времени, развивая и исторически сложившиеся собственно церковные традиции меморирования. В общественном сознании уже к середине XIX в. в образе древней обители неразрывно сочетались ее духовное и земное служение, отголоски легенды и истории. Это историческое восприятие развивалось постепенно в рус-

ле новых подходов к сохранению и изучению наследия, находя выход в различных общественных инициативах по закреплению за Лаврой определенных функций как исторического памятника. Исследование этого опыта важно для более глубокого понимания тех путей, которыми пошло музеефицирование историко-культурного наследия Лавры в XX веке.

Говоря о Троице-Сергиевой лавре как объекте культуры, мы имеем пример не только одного из первых в России художественных музеев (в лице знаменитой ризницы), поскольку ее значение выходит далеко за пределы какой-либо отдельно взятой предметной области и отдельного региона. Весь опыт ее «музейного» осмысления в XIX—XX вв. был проникнут национальной идеей, что объяснялось особым значением обители в судьбе государства. В наиболее законченном виде эта идея воплотилась в известном тезисе П.А. Флоренского о Лавре как «живом музее России». Находившуюся в историческом и географическом единстве с центром российской государственности — Москвой и вобравшую многочисленные свидетельства лучших проявлений национальной традиции, общественное сознание уже в XIX в. наделяло Лавру чертами музея, музея-пантеона отечественной славы, духовных и земных свершений народа.

Наконец, к началу XX в. сложились предпосылки для восприятия Лавры уже не только как комплексного объекта, целостного в своем единстве духовной святыни, национального памятника-мемориала и архитектурно-художественной жемчужины, воплощающей лучшие творческие традиции народа, но и как духовно-исторического пространства, включающего конгломерат сакральных, архитектурных, природных и мемориальных объектов за пределами ее стен, круг которых далеко не исчерпывается приведенными здесь примерами. Это понимание, в нашем представлении, и послужило основанием для следующего заключения: «...такой монастырь, как наша знаменитая святая Лавра Сергиева, и своими храмами, и зданиями, и стенами с башнями, должна представлять своего рода церковно-археологический музей, священный для Русских людей, которые дорожат своим прошлым, и ценный для археологической науки» [1, с. 614]. Это убеждает в том, что идея «живого музея Лавры» (в понимании музеефицирования духовно-предметного пространства с сакральным основообразующим центром у гробницы преп. Сергия Радонежского), сформулированная в 1918 г. у истоков ее музейного преобразования, не возникла внезапно [27]. В действительности, к началу XX в. она уже «вита в воздухе». И по сей день, на наш взгляд, эта идея не потеряла своей актуальности.

Список источников

1. А.Н.О. Новые сооружения в Троице-Сергиевой Лавре // Русский архив. — 1897. — № 8. — С. 610—614.
2. Георгиевский В.Т. Древнерусское шитье в ризнице Троице-Сергиевой Лавры // Светильник. — 1914. — № 11—12. — С. 3—26.
3. Гефсиманский скит и пещеры при нем. — Сергиев Посад, 1899. — 177 с.
4. Голубинский Е.Е. Преподобный Сергей Радонежский и созданная им Троицкая Лавра / Е.Е. Голубинский. — М., 1909. — 423 с.
5. Горский А.В. Историческое описание Свято-Троицкой Сергиевой Лавры / А.В. Горский. — М., 1842. — 160 с.
6. Готье Т. Путешествие в Россию / Т. Готье. — М., 1988. — 398 с.
7. Древности Российского государства. — Отд. I. — М., 1849. — 218 с.
8. Древности Российского государства. — Отд. III. — М., 1853. — 187 с.
9. Древности. Труды Комиссии по сохранению древних памятников Императорского Московского археологического общества. — Т. III — М., 1909. — 482 с.
10. Зарицкая О.И. Ризница Троице-Сергиевой лавры в XVIII — первой половине XIX в. как комплекс историко-художественного наследия // Троице-Сергиева лавра в истории, культуре и духовной жизни России : материалы II Междунар. науч. конф. — Сергиев Посад, 2000. — С. 449—461.
11. Иванчин-Писарев Н. День в Троицкой Лавре / Н. Иванчин-Писарев. — М., 1840. — 104 с.
12. Иконников В.С. Опыт русской историографии / В.С. Иконников. — Т. I., Кн. 2. — Киев, 1892. — С. 1386.
13. Каулен М.Е. Музеефикация историко-культурного наследия России / М.Е. Каулен. — М., 2012. — 432 с.
14. Князь И.М. Долгоруков. Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни. — Т. 1. — СПб. : Наука, 2004. — 816 с.
15. Музейное дело России. — М., 2010. — 673 с.
16. Муравьев А.Н. Путешествие по святым местам русским / А.Н. Муравьев. — М., 1836. — 163 с.
17. Путеводитель по Свято-Троицкой Сергиевой Лавре. — М., 1895. — 66 с.
18. Путеводитель по Троице-Сергиевой Лавре. — М., 1863. — 87 с.
19. Ризница Свято-Троицкой Сергиевой лавры. — Т. I. — Сергиев Посад, 2014. — 328 с.
20. Снегирев И.М. Путеводитель из Москвы в Троице-Сергиеву Лавру / И.М. Снегирев. — М., 1856. — 120 с.
21. Он же. Скит Гефсиманский близ Троице-Сергиевой Лавры // Русская старина в памятниках церковного и гражданского зодчества. — М., 1852. — С. 173—190.
22. Спутник богомольца при обозрении святынь и достопамятностей Свято-Троицкой Лавры. — М., 1883. — 31 с.
23. Спутник экскурсанта. Свято-Троицкая Сергиева Лавра. — М., 1914. — № 6. — 107 с.
24. Троицкий собор, церковь преподобного Никона и келия преподобного Сергия в Троице-Сергиевой Лавре. — М., 1854. — 16 с.
25. Труды Комиссии по организации экскурсий для учащихся и учащихся средних учебных заведений Московского округа. — М., 1911. — 226 с.
26. Фильмонов К.А. Чугунные мемориальные доски в память об осаде Троице-Сергиевой лавры в 1608—1610 годах: создание, открытие и первоначальное размещение // Троице-Сергиева лавра в истории, культуре и духовной жизни России : материалы VIII Междунар. науч. конф. — Сергиев Посад, 2013. — С. 157—162.
27. Флоренский П.А. Троице-Сергиева Лавра и Россия // Троице-Сергиева Лавра. — Сергиев Посад, 1919. — С. 3—39.
28. Экскурсии 1913 г. в Троице-Сергиеву Лавру и Коломенское. — М., 1913. — 60 с.
29. A Guide to the Lavra of St. Sergius at Troitsa. — М., 1876. — 43 p.